

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

ЗНАНИЕ КАК НЕПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ. К СПЕЦИФИКЕ ГУМАНИТАРНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ

Великий античный мыслитель Аристотель когда-то подразделял науки на три группы: продуктивные, практические и теоретические. Продуктивные — знание ради конкретной пользы (например, гончару необходимо знание того, как сделать горшок). Практические — науки о достижении морально совершенного состояния. Высшую группу составляют науки теоретические (к которым относятся физика, психология, математика и метафизика). Они ведут поиск знания ради него самого.

Знание ради знания... Достаточно неприлично звучат эти слова в наш утилитарный век, когда мы прежде всего стремимся извлечь практическую пользу, «корысть» из любого поступка, предмета или события. Действительно, вопрос «для чего?» не может остаться без ответа, он составляет, может быть, важнейшую сторону смысла нашего пребывания в этом мире. Вся современная цивилизация построена на четких ответах на вопросы «зачем?» и «для чего?», на постановке конкретных целей и их реализации.

Однако сами эти цели в гуманитарном и технократическом сознании принципиально разные, а в чем-то и противоположные. Например: для чего учиться? Кажалось бы, ясно: чтобы приобрести профессию, поступить в вуз, чтобы занять достойное место в обществе, чтобы удовлетворить, наконец, свои притязания и амбиции. А великий педагог XX века В. Сухомлинский говорил: «Человек должен учиться, потому что он — человек».

Проблема человечности (которую в «классовые времена» клеймили как «абстрактную», «буржуазную»), то есть реальной, содержательной наполненности понятия «человек», вопрос о его высшем предназначении всегда, а сегодня особенно, принадлежит к числу самых актуальных. Если попытаться охватить единой формулой бесконечную сложность современной, несомненно, больной цивилизации, поставить ей диагноз, мы выбрали бы следующий: «Дефицит человечности».

Сегодня по-новому видятся знакомые страницы духовного наследия. За что, например, романтики или Карл Маркс на Западе, славянофилы и народники в России (при всей несомненной качественной разнице их взглядов) беспощадно бичевали капиталистический строй (великую прогрессивную роль которого тот же Маркс прекрасно видел)? За бездуховность, отсутствие поэзии, антигуман-

ность и поглощение человека рыночной товарно-денежной стихией, за разрушение «подлинной» человеческой сущности.

Вспоминается рассказ-легенда о древнегреческом философе-кинике Диогене Синопском. Залитая солнцем, заполненная народом площадь Афин. В толпе пробирается Диоген с фонарем. «Кого ищешь?» — спрашивают Диогена окружающие. — «Ищу человека». Легенда несет в себе глубокий смысл. В чем здесь дело? Представители всех профессий есть на площади: политики и судьи, учителя и ремесленники, врачи и астрологи, жрецы и гетеры — а человека нет.

Все вышесказанное достаточно банально и общеизвестно. Но суть в том, что этой «абстрактной», непрагматической ценности наличия и поддержания человеческого в человеке должен соответствовать дополняющий прагматику и даже в существенных чертах противоречащий ей тип преподавания, особый способ понимания целей и задач образования в целом. Такое понимание и истолкование мы и назовем гуманитарностью в широком смысле слова. Проблема коренится именно в том, что такое понимание смысла образования трудно «подстроить» под существующие образовательные структуры. Оно как бы достаточно «расплывчато» по своим целям и задачам, неопределенно по процедурам. В самом деле: что значит растить «человеческое в человеке», как это «реально делать»?

Между тем перед нами совершенно особая парадигма: вопрос о природе гуманитарности предстает тем более глубоким и сложным, чем больше в него вдумываешься. Ясно, например, что гуманитарность определяется не по предмету (культурология, искусствоведение, история вполне могут и не быть гуманитарными) и даже не по методу, а по типу сознания, по внутренним глубинным структурам способов понимания, по исходным схемам восприятия и истолкования. Но гуманитарность — не только тип знания и сознания, она еще и специфическая реальность («феноменологическая реальность», по Э. Гуссерлю), коррелирующая с соответствующим типом рефлексии. По нашей формуле, это «знание — переживание»¹, что не мо-

¹ См. об этом: Шор Ю. М. Культура как переживание (Гуманитарность культуры). СПб., 2003.

жет не затрагивать самые основы преподавательской деятельности, понимания ее целей, смысла и задач.

Сузим проблему, попытаемся выделить некоторые аспекты специфики гуманитарной лекции.

Одним из наиболее острых (и наиболее уязвимых для критики) моментов гуманитарного преподавания является именно то, что оно — не столько «передача знаний от учителя к ученику», сколько «передача» чувств, эмоций, состояний, образов. Причем сам процесс (а не конечные цели) выходит на первый план.

Гуманитарное знание — это живой поток живого сознания, духовное пространство, в котором студент должен «слиться с предметом, постичь его в непосредственном соприкосновении с собой, со своим внутренним миром». Роль лектора тут особая: он не просто «транслятор знаний», но создает напряженное энергетическое эмоционально-смысловое поле, объединяющее преподавателя и аудиторию, создающее общее пространство духовного поиска, в котором все участники (в идеале, конечно) думают об одном, чувствуют одно.

Интеллектуальный компонент гуманитарного познания идет рука об руку с эмоциональным, знание не просто «связано» с переживанием, «дополняется» им, а неотъемлемо от него. Скажем острее: знание тут и есть само переживание. В гуманитарном преподавании задействуются все компоненты человеческой психики: разумные и чувственные, рациональные и иррациональные, интуитивные и дискурсивные. Сознательное соединяется тут с бессознательным, подсознательным и подключает «сверхсознание». Студент должен не «усвоить» предмет, а «погрузиться в него» и «зажить» в нем, осуществить подлинный эрос познания.

Но эта возможность может и не осуществиться (в действительности сплошь и рядом не осуществляется), если сам студент не работает, не способен на осуществление «внутреннего духовного детства». Гуманитарное преподавание напоминает, поэтому, сократовский диалог: слово лектора — только толчок, начало, «нажатие спускового крючка» познания, как это и было в беседах с Сократом, который «только» слушал, ставил вопросы, заставлял усомниться, а дальнейшее передоверял собеседнику. Причем, важно было пробудить источник знания именно в душе участника диалога, раскрыть его внутренние воз-

можности. «Знание есть припоминание», — эта великая мысль Платона не понята еще до конца. Подлинное знание извлекается из потаенных кладовых души. Внешнее (информация) — только возбудитель процесса.

Гуманитарное знание, поэтому, — знание «субъективно-объективное». В нем истина — не «дважды два — четыре», а то, что я по-сократовски нашел сам для себя работой души, и ответственность за что тоже беру на себя. Гуманитарная лекция, следовательно, несет в себе некоторые свойства художественного сознания.

Чем так дорога нам поэзия? Поэтический мир — это субъективное знание, пережитое мной и никем другим — и, в то же время, общее, объективно значимое. Я люблю, скажем, Александра Блока, потому что мне близко его мироощущение, его уникальное миропереживание, которое в чем-то и мое тоже, ибо душа моя в высшем своем подъеме сливается с Божественными гармониями блоковской поэзии. То же самое происходит (должно происходить!) на гуманитарной лекции. Ее цель — создание яркого, непосредственно созерцаемого художественного образа предмета — красочного, осязаемого, объемного образа, скажем, Античности, или гегелевского Абсолютного Духа, или ницшевской «воли к власти». Именно образа, а не рассудочного рассказа, расчлененного по пунктам и параграфам. К стати, лекцию такого типа и записать бывает достаточно трудно, поэтому вполне возможно использование диктофона с последующей расшифровкой.

Конечно, такой тип лекции ближе всего сознанию студентов художественно-творческих специальностей (актерам, режиссерам, искусствоведам). Думается, однако, что он имеет и более широкое значение и в каком-то смысле выступает определенной альтернативой «традиционной» педагогике.

Гуманитарное преподавание ставит целый ряд острых вопросов, однозначных ответов на которые сегодня нет. На кого все-таки оно рассчитано, всякий ли студент способен соответствовать критериям такого преподавания? (Ответ напрашивается сам собой.) Далее, если перед нами знание — диалог, знание — чувствование, знание — погружение, как оценивать его на зачетах и экзаменах? Работает ли тут вообще традиционная система отметок? Над этим стоит задуматься. Нашей задачей, во всяком случае, было очертить возможные грани проблемы.